

**ОТКРЫТЫЙ ДИАЛОГ И СТРЕМЛЕНИЕ К ВЗАИМОПОНИМАНИЮ  
КАК НЕОБХОДИМЫЕ УСЛОВИЯ ДЕМОКРАТИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА**

*E.V. Bagrova, S.V. Kruchinin*

**OPEN DIALOGUE AND ASPIRATION TO MUTUAL UNDERSTANDING  
AS NECESSARY CONDITIONS OF DEMOCRATISATION OF A SOCIETY**

*Democracy does not arise from scratch, due to a whim of the ruling elite. It is possible only at the certain cultural development stage, provided civil consciousness and responsibility for everything in the community are common for each society member. It can be achieved with each individual being free in self-fulfilling and willing to take everybody else's interests into account.*

Демократия – едва ли не одна из самых эмоционально насыщенных философских, политических и социологических категорий. Сейчас, когда слово *демократия* у всех на устах, мало кто из современных политических деятелей осмелится открыто выступить против самого принципа, самой идеи демократии. Диктаторы отождествляют себя с поборниками демократии, а идеологи тоталитаризма проповедуют, что такие режимы более демократичны, чем традиционные либеральные демократии западного типа.

И. Ильин в статье «Об органическом понимании государства и демократии» исходит из положения о том, что при демократии «правительство призвано жить для народа и черпать из него свои живые силы, а народ должен знать и понимать это и отдавать свои силы общему делу», «государство «демократично» в том смысле, что оно черпает из народа свои лучшие силы и привлекает его к верному участию в своем строительстве, что означает «необходимость постоянного отбора этих лучших сил и умения народа верно строить свое государство» [4. – С.47], неосуществимого в условиях централизации государственного управления.

В соответствии с данным требованием, предъявляемым к демократии русским философом, многие политологические толкования демократии представляются надуманными и малосостоятельными, выдающими желаемое (возможность для народа определять политику своего государства, активно вмешиваться в принимаемые политические, экономические и другие решения) за действительное.

Демократия как политическая ценность, политическое мировоззрение не может быть реализована вне правового государства, без четко разработанных правовых норм, регулирующих отношения собственности, производства и распределения, взаимоотношения индивидов между собой и с государством.

Однако каким может быть путь к правовому государству? Возможен ли быстрый переход от тоталитарного строя к демократическому? Возможно ли «навязывание демократии» сверху? Опыт некоторых стран

показал, что нет. Переход к демократическому строю невозможен без изменения коллективного сознания людей, без развития гражданского сознания на основе чувства собственной ответственности за то, что происходит с другими людьми и обществом в целом. Демократия, «навязываемая сверху», на деле оказывается бутафорией и «игрой в обманку», ибо власть вне социального контроля не способна ограничить собственный произвол и жажду приобретения еще больших прав и привилегий по сравнению с обычными людьми. Реализация власти всем народом означает отрицание политического господства специального аппарата принуждения и других атрибутов государства, одной из форм которого и является реальная демократия.

В эпоху mass media, навязывающих массам определенную систему ценностей, понятие «народ» превращается в «обманку» (одно из центральных понятий Ж.Бодрийяра, обозначающее обманчивую внешность, видимость, создание иллюзии или, точнее, приманки реальности), ведь массовый потребитель потока информации СМИ оказывается увлечен, поглощен, «совращен», лишен своего индивидуального взгляда на мир.

«В обманке, по словам Ж.Бодрийяра, речь идет не о слиянии с реальным, но о том, чтобы произвести симулякр, полностью сознавая правила и уловки игры: имитируя третье измерение, поставить под сомнение реальность этого третьего измерения, – имитируя и утрируя эффект реального, радикально поставить под сомнение сам принцип реальности» [2. – С.350].

Лишь гражданское самосознание или осознание собственной ответственности за все, что происходит вокруг, активное вмешательство и протест против социальной несправедливости могут гарантировать, что демократия не вырождается в симулякр. Нравственная деятельность, по мнению В.С. Соловьёва, выходит за пределы индивидуальной жизни и делает возможным существование сообщества, социума как целого, не сосредоточиваясь целиком в руках государства. Государство, как считает Соловьёв, «не может иметь никаких других интересов, выше нравственного», поэтому оно должно «подчиняться требованию нравственного начала», признанию безусловного права каждого человека «на достойное существование и свободное развитие своих положительных сил» [9. – С.632-688].

«Фактически формируемая «под присмотром» общества наша собственная Я-идентичность играет роль своеобразного связующего звена, которое и соединяет наше персональное «Я» со всем многообразием уже существующих и воплощенных в объективном социальном мире идентичностей и с самим этим внешним по отношению к нам объективным миром» [8. – С.123].

Человеческое «Я», в интерпретации М. Хайдеггера, – это Dasein, присутствие, готовность войти в диалог с Другим и раскрыть структуру своего бытия [11]. «Реальное, с точки зрения М.Мерло-Понти, существует для того, чтобы быть описанным, а не сконструированным или конституированным» [13. – С.123], оно существует и может существовать лишь в контакте с другими «Я», в частичном понимании и непонимании этих «Я», в попытке выработать свой стиль существования среди других. Их же адаптация к социальной действительности целиком зависит от взаимопонимания с окружающим социумом.

Мир каждой личности – это мир, семейный, социальный, культурный, религиозный. Он неизбежно конституирует горизонт понимания реальности, некоторое априори, которое можно определить как совокупность актов опыта, объединенных в личностном «Я». Именно взаимообусловленность субъекта и объекта конституирует наше мышление в целом. «В русле этого феноменологического понятия, – замечает Е. Корет, – мы можем определить «мир» как тотальность нашего жизненного пространства и нашего конкретного мыслительного горизонта» [12. – С.47].

Личность является самой собой в той мере, в какой отдает себя другим. Личность существует для общества, а общество – для личности; они нуждаются друг в друге и дополняют друг друга. Личность свободна и потому может быть субъектом нравственных обязанностей. Поскольку же она имеет обязанности, постольку имеет и права и заслуживает всяческого уважения. В своих решениях она руководствуется сознательно принятыми ценностными суждениями. Личность властна над собой и свободно отдает себя. Индивид рождается, живет, производит потомство, продолжает свой вид и умирает, полностью исчезая. У личности есть своя собственная цель и предназначение: она живет не только для продления вида, но и для того, чтобы реализовать саму себя внутри вида и вместе с видом. Очевидно, что полная самореализация предполагает личное бессмертие и, следовательно, духовную природу души.

Мы реализуем себя в непрестанном взаимообмене между внутренним и внешним (известным и используемым), и в этом взаимообмене мы обретаем и выстраиваем наш собственный личностный мир. Если мы хотим объяснить феномен человека, то не можем закрывать глаза на этот факт открытости и общения человека с другими людьми и с окружающей средой в целом, средой, которую можно определить как тотальность нашего жизненного пространства и нашего познавательного горизонта. Эта очевидная реальность предполагает, что мы познаем других, мир и самих себя в качестве реальных объектов. Если бы это было не так, было бы невозможно объяснить человеческий образ действий и сотрудничество всех людей в достижении общих целей или решении разного рода задач.

В нашем понимании именно индивидуальная интерпретация экономической, политической, юридической активности социума определяет специфику ограничений во взаимопонимании, которые будут ею использованы для сохранения и укрепления собственной Я-идентичности. Чем меньше активность социума затрагивает Я-идентичность личности, позволяя ей жить в согласии с собственным «Я», тем меньше у последней оснований для использования таких стратегий адаптации, которые помогают противостоять социуму при любых попытках изменения идентичности, а социальная адаптация в контексте интерпретативного понимания означает использование любых приспособительных стратегий, которые позволяют человеку сохранить и/или уточнить свою идентичность в контексте достигнутого взаимопонимания с другими людьми, коллективами, общественными организациями, органами власти.

Чем активнее общество принуждает людей жить по определенной норме, тем яростнее неконформистская или девиантная натура отстаивает собственную идентичность и соответствующую ей модель социальной адаптации в обществе. В глазах обывателя девиантная самоидентификация, воплощенная в социально неприемлемых стратегиях социальной адаптации и демонстрируемого нежелания образовывать/влияться в нормативные социальные структуры, есть не что иное, как асоциальное поведение дезадаптированной личности, которая бросает откровенный и бесцеремонный вызов обществу, выражая свое несогласие и нежелание существовать в данной парадигме общественных отношений.

Существуя среди других людей, каждый индивид может и вынужден выбирать, с кем вместе и как существовать, что опять-таки решается в процессе коммуникации, восприятия и понимания, пусть даже приблизительного, других людей и становления объектом их восприятия. Никто не должен быть ограничен в своем праве выбора.

Сознание каждого отдельного индивида в демократическом обществе, стремящемся к социальной гармонии, спаяно, сплетено с миром, изначально пребывает в недифференцированном потоке переживаний. «Положительно значимым в своей сплошной данности мир становится для меня лишь как *окружение* другого» [1. – С.155]. Другой, взгляд Другого, его желание, действие, заставляют объекты выступать для меня из нерасчленной массы воспринятого, задает измерение глубины, вводит знаки невоспринимаемого в поле моего восприятия. Мой мир – это мир отношения другого к объектам, имеющим для него смысл. Если универсум – бесконечная череда неустойчивых внутренних состояний, если бытийный статус объекта задается его включенностью в опыт переживания, желания, понимания, действия, оценки, то отношения с объектами мира – это отношения с Другим, вступившим в отношения с объектами, уже несущим так или иначе соотносительное с миром понимание.

Специфика коммуникации на уровне двух отдельных индивидов оказалась в центре внимания различных философских направлений последнего времени. Э. Левинас в «Тотальности и Бесконечном» говорит, что «коллективность, о которой я говорю «ты» или «мы», не является множеством «я» [6. – С.88], тем самым показывая деиндивидуализацию Я в процессе коммуникации. В данном случае существующей в обществе парадигмой властных отношений можно пренебречь, если каждый из участников коммуникации нацелен на достижение взаимопонимания путем взаимного компромисса: «Я не имею власти над ним. Он ускользает от моих притязаний, даже если находится в моем распоряжении. Он не пребывает полностью в одном месте со мной» [6. – С.88].

Полная гармония самобытности человека и его события с другими представляется исключением из правила, а самореализация человеческого индивида, оказывается формой связи его с другими людьми и их опытом, а эта связь выступает своего рода опорой отношения индивида к самому себе, средством преодоления его собственных границ.

В человеческом мире отношения со-субъектности дополняются кардинально новыми моментами, к числу которых относятся связанные друг с другом конвенционализация и формирование не просто интериндивидуальной, в значительной мере ситуативной со-субъектности, но устойчивых внеситуативных надындивидуальных субъектов. Множество индивидов образуют такой субъект – реальный, а не фиктивный – только в том случае, если между ними есть «презумпция сопереживания». В основе ее лежит культурно-конвенциональное самоотнесение каждого индивидуального «Я» к некоторому единому «Мы» (этническому, государственному, религиозному и др.).

Границы «Мы» есть границы презумпции сопереживания и, соответственно, границы нравственных отношений. В отличие, например, от юридических или экономических, нравственные отношения развертываются только в рамках «Мы».

Собственная Я-идентичность каждого отдельного человека играет роль своеобразного связующего звена с Я-идентичностью взятых по отдельности других людей и Мы-идентичности в составе определенной социальной группы, национальной и языковой культуры, экономического и политического сообщества. Взаимообусловленность субъекта и объекта конституирует мышление человека, соотносительное с другим человеком и только в другом находящем самого себя, в целом. Люди реализуют себя (свое «Я» и «Мы») в непрестанном взаимообмене между внутренним и внешним (известным и используемым), идентифицируя бла-

годаря этому взаимобмену, опирающемуся на индивидуальную и совместную интерпретацию экономической, политической, юридической активности социума, сохранение и укрепление собственной М-идентичности.

Именно «захваченность» и открытость являются важнейшими аспектами взаимопонимания, гарантирующими интенцию (интерес участников к общению) и истинный характер всех знаков внимания, информации и т.п. Лишь в этом случае можно исправить неправильно сформированное, ошибочное, недостаточно корректное суждение, изменить свое мнение, свою позицию произвольно или в реакцию на коммуникативные действия собеседников.

Э. Фромм в работе «Человек для себя» выделяет следующие виды межличностных отношений: симбиотический союз, отстраненность-деструктивность, любовь. «В симбиотическом союзе человек соединен с другими, но утрачивает или никогда не обретает своей независимости; он убегает от опасности одиночества, становясь частью другого человека, «поглощаясь» этим человеком или «поглощая» его сам» [10. – С.108-109]. «Человек, над которым властвуют, воспринимается и рассматривается как вещь для использования и эксплуатации, а не как человеческое существо, являющееся целью само по себе» [10. – С.108-109].

Для достижения взаимопонимания, на которое нацелено демократическое общество, необходимы определенные аттитюды, сопереживание, соучастие, совместная конструкция и деконструкция сложившегося понимания, вовлеченность как в коммуникацию, так и учет особенностей мировосприятия других людей. В любом случае взаимопонимание, если мы воспользуемся терминами Ж. Лакана [5], осуществляется как соприкосновение реального, воображаемого и символического пространств психики коммуникантов.

Связанная с мыслью о других людях, идея «я» есть осознание человеком индивидуальности или своеобразия своей жизни, поскольку именно эту сторону жизни необходимо поддерживать целенаправленными усилиями, и именно она агрессивно проявляет себя всякий раз, когда, по мнению человека, его собственные устремления идут вразрез с устремлениями других людей, с которыми он мысленно себя соотносит.

Пространство выбора современного индивида оказывается ограничено рамками навязанного «символического порядка». Будучи не свободен ни в своих действиях, ни в своих мыслях, во всем оказываясь под влиянием развязанной массовой пропагандой «игры-обманки» Ж. Бодрийяр [3], индивид оказывается не способен ни выслушать другого, ни освободиться от навязанных стереотипов восприятия окружающего мира и понимания других людей.

Таким образом, демократия возможна лишь в гражданском обществе, основанном на плюрализме мнений и гарантирующем свободу личности и высокое политическое сознание его членов. Именно реальная возможность или свобода выбора, а также социальный контроль над органами власти, которые в своих решениях должны исходить не из своих личных эгоистических интересов, а интересов отдельных социальных слоев, имеющих право на выражение своего несогласия и недовольства и пересмотр спорных государственных решений, и общества в целом, могут гарантировать, что демократия не превратится в бутафорию.

Для того чтобы интересы сообщества были в полной мере представлены в политике государства, необходимо развивать самосознание каждого члена сообщества, что возможно лишь в свободном и культурном обществе, при котором социальный контроль над действиями всех ветвей власти является нормой, а неисполнение своих обязанностей и превышение полномочий ведет к дискредитации политика или политического института в глазах всего сообщества, антитоталитарного и антиавторитарного по своей сути.

#### Литература

1. Бахтин М. Автор и герой. К философским основам гуманитарных наук / М. Бахтин. – СПб.: Азбука, 2000. – С. 155.
2. Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального / Ж. Бодрийяр. – Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2000. – С. 350.
3. Бодрийяр Ж. О совращении / Ж. Бодрийяр // Ad Marginem '93. М.: Ad Marginem, 1994.
4. Ильин И.А. Об органическом понимании государства и демократии // Ильин И.А. Избранные статьи. М.: Воениздат, 1993. – С. 47.
5. Лакан Ж. Функция и поле речи и языка в психоанализе. / Ж. Лакан – М.: Гнозис, 1995.
6. Левинас Э. Избранное. Тотальность и Бесконечное / Э. Левинас. – М.; СПб.: Университетская книга, 2000. – С. 88.
7. Рейковский Я. Личность в условиях общественно-исторической перестройки / Я. Рейковский // Психология личности в социалистическом обществе: Активность и развитие личности. – М.: Наука, 1989.
8. Ромм М.В. Адаптация личности в социуме: теоретико-методологический аспект / М.В. Ромм. – Новосибирск: Наука, 2002. – С. 123.
9. Соловьев В.С. Мнимая критика / В.С. Соловьев // Вопросы философии и психологии. 1897. Кн. IV. – С. 632-688.
10. Фромм Э. Человек для себя / Э. Фромм. – Минск: Коллегиум, 1992. – С. 108 – 109.
11. Хайдеггер М. Бытие и время / М. Хайдеггер. – М.: Ad Marginem, 1997.
12. Coreth E. Que es el hombre / E. Coreth. – Barcelona: Herder, 1980. – С. 47.
13. Merleau-Ponty M. Phenomenologie de la perception. – Paris: Gallimard, 1945. IV. – С. 123.

*Literature*

1. Bakhtin M. Author and the hero. To philosophical bases of the humanities. – Saint-Petersburg: the Alphabet, 2000. – P. 155.
2. Baudrillard J. In shades of the silent majority, or the End of the social. – Ekaterinburg: Publishing house of the Ural university, 2000. – P. 350.
3. Baudrillard J. About seduction//Ad Marginem, 1994.
4. Ilyin И.А. About organic understanding of the state and democracy.//Ilyin И.А. Selected articles. Moscow: Voenizdat, 1993. – P. 47.
5. Lakan Zh. Function and a speech and language field in psychoanalysis. – Moscow: Gnozis, 1995.
6. Levinas A. The selected works. Totality and Infinite. – Moscow; Saint-Petersbourg: the Universitetskaya kniga, 2000. – P. 88.
7. Reikovsky Ya. The person in the conditions of socio-historical reorganisation//Psychology of the person in Socialist society: Activity and development of the person. – Moscow: Nauka, 1989.
8. Romm M.V. The adaptation of the person in society: Theoretikal methodological aspect. – Novosibirsk: Nauka, 2002. – P. 123.
9. Soloviev V.S. The suspected critics//Philosophy and psychology questions, 1897, book IV. – P. 632-688.
10. Fromm E. The man for itself. – Minsk: Kollegium, 1992. – P. 108 – 109.
11. Heidegger M. Being and time. – Moscow: Ad Marginem, 1997.

*Базрова Екатерина Викторовна* – канд. филос. наук, заместитель директора по СПО Ноябрьского колледжа профессиональных и информационных технологий.

*Кручинин Сергей Васильевич* – старший преподаватель кафедры общих гуманитарных и социально-экономических дисциплин Филиала ТюмГУ г. Ноябрьск.